

Кирилл Зубков

Почему Надежда Хвощинская не была русской Бронте

ЛИБЕРАЛИЗМ И ЭМАНСИПАЦИЯ В КРИТИКЕ
И ПРОЗЕ 1860-х ГОДОВ¹

Kirill Zubkov

Why Nadezhda Khvoshchinskaya was not Russian Brontë:
Liberalism and Emancipation in the Criticism and Fiction of 1860ies

Кирилл Зубков

Издательство «Новое литературное обозрение»;
кандидат филологических наук
k_zubkov@inbox.ru.

Ключевые слова: Надежда Хвощинская, литературная критика, русская проза, эмансипация, викторианская проза

УДК: 82-3+82.0

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_220

Статья посвящена анализу литературной критики и прозы Хвощинской на фоне произведений ее английских современниц. Автор показывает, что творчество Хвощинской разворачивалось в кардинально иных условиях: в отсутствие в Российской империи социальных аналогов британского среднего класса выразить в критике умеренные взгляды было значительно труднее. Либеральные убеждения Хвощинской и ее издателя Андрея Краевского вступали в конфликт с почти неизбежной для российской писательницы этих лет радикализацией, проявившейся в параллелях между статьями Хвощинской и таких авторов, как Николай Чернышевский. В финале работы предлагается прочтение повести «Пансионерка» как творческого осмысления этой ситуации: эмансипация и образование в российских условиях приводят девушку к радикализации.

Kirill Zubkov

Publishing House «Novoe literaturnoe obozrenie»;
Candidate of Philology
k_zubkov@inbox.ru.

Keywords: Nadezhda Khvoshchinskaya, literary criticism, Russian prose, emancipation, Victorian fiction

UDC: 82-3+82.0

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_220

The article considers Khvoshchinskaya's literary criticism and prose against the backdrop of the works of her Victorian contemporaries. The author argues that Khvoshchinskaya's work developed in radically different circumstances: in the absence of social analogues to the British middle class in the Russian Empire, expressing moderate views in criticism was significantly more difficult. The liberal convictions of Khvoshchinskaya and her publisher, Andrei Kraevsky, conflicted with the radicalization that was almost inevitable for a Russian woman writer of this era, which becomes evident in the parallels between Khvoshchinskaya's articles and those of authors such as Nikolai Chernyshevsky. The article concludes by offering a reading of the novella «The Boarding School Girl» as a reflection on the situation where emancipation and education lead a young woman to radicalization in the Russian context.

Надежду Хвощинскую и ее сестер часто называют «русскими Бронте»². Причина, конечно, не в том, что в обоих случаях несколько сестер занимались литературным творчеством, а в том, что Хвощинские, особенно Надежда, о которой и пойдет речь далее, очень напоминают свою типичную современницу, жившую и писавшую в викторианской Англии. Почти всю жизнь Надежда

1 Автор благодарит Алину Бодрову, Татьяну Борисову, Алексея Вдовина и рецензентов «Нового литературного обозрения» за ценные рекомендации.

2 См. буквально первые слова на корневой странице посвященного сестрам сайта: Khvoshchinskaya Sisters Digital Collection (URL: <https://khvoshchinskies.web.illinois.edu/>).

Хвоцинская провела в провинции, однако печаталась в столичных журналах благодаря поддержке влиятельных издателей; ее семейство было благородным и небедным, но стояло далеко от аристократии и от роскошного образа жизни; ее политические взгляды оставались умеренно либеральными — все это роднит Хвоцинскую с ее типичной современницей из Великобритании³. Неудивительно, что и литературная критика Хвоцинской часто описывается как образец умеренного либерализма⁴. В этой статье мы покажем, что социальные условия Российской империи, в отличие от викторианской Англии, подталкивали женщину, занимавшуюся литературной критикой, не к умеренности, а к радикализации — не в смысле попыток организовать политическую революцию или вести пропаганду, а в смысле стремления к кардинальному пересмотру несправедливого общественного порядка. Это не значит, что Хвоцинскую можно описать как последовательницу Николая Чернышевского или Николая Добролюбова, — скорее, что условия ее литературной деятельности позволяли совмещать умеренно либеральные представления об эстетике с более демократическими идеями относительно общественной роли литературы и критики. Эти идеи позволяли писательнице описать неравенство, в том числе региональное, имущественное и гендерное, с точки зрения не только символического статуса, но и специфики труда, в котором были заняты героини ее прозы. Позиция Хвоцинской, впрочем, вовсе не была «противоречива» — таковой она может показаться позднему исследователю, не учитывающему специфику общественной и литературной жизни Российской империи и место женщины в этой жизни. Представления об эстетической автономии литературы отнюдь не противоречили критике существующего социума. Предметом нашего внимания станет период, обычно считающийся переломным в истории литературной критики, когда Хвоцинская наиболее активно занималась деятельностью на этом поприще и написала свою, вероятно, самую известную повесть «Пансионерка», в которой предлагается далекая от викторианской трактовка связи между трудом и женской эмансипацией.

Литературная критика и средний класс в Российской империи

Пытаясь вписать критику Хвоцинской в контекст эволюции института литературы 1860-х годов, исследователь сталкивается с ограниченностью традицион-

-
- 3 О связях викторианских писательниц и провинции см.: *Tuchman G., Fortin N.E.* *Edging Women Out: Victorian Novelists, Publishers, and Social Change*. New Haven: Yale University Press, 1989. P. 108–110; об их ориентации на средний класс: *Петерсон Л.* Становление писательницы: мифы и факты викторианского книжного рынка / Пер. с англ. А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 105–160. Трактовку Хвоцинской как принципиально умеренной писательницы см.: *Gheith J.* *Finding the Middle Ground: Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women's Prose*. Evanston: Northwestern University Press, 2004; о ее значимой связи с провинцией см.: *Andrew J.* *Narrative, Space and Gender in Russian Fiction: 1846–1903*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. P. 106–108; *Lounsbury A.* *Life Is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. P. 154–163.
- 4 См.: *Gheith J.* *Op. cit.* P. 104–128; *Строгонова Е.Н.* *Классики и современницы: Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века*. М.: Литфакт, 2019. С. 135–148.

ных историографических моделей, с помощью которых принято описывать и критику вообще, и женскую критику в частности. В этом разделе мы обсудим аналитический инструментарий, который можно применить для решения этой задачи. Вообще специалисты по русской критике XIX века по преимуществу обращаются к трем ее аспектам: прослеживают ход полемики между разными авторами, обсуждают эстетические взгляды критиков и их политическую позицию. Несмотря на значительные успехи в этих областях, лишь в очень небольшой степени изучен вопрос о социальном бытовании института критики: какие функции она выполняла в русской литературе и зачем авторы, читатели, издатели и цензоры уделяли ей пристальное внимание⁵. Этот вопрос особенно значим, если говорить о развитии женской литературной критики, — ее специфика в указанный нами период очевидным образом связана со стремительно меняющимися представлениями о месте женщины в общественной жизни в целом.

Обсуждая творчество занимавшихся литературной критикой писательниц XIX века, исследователи часто обращаются к образцу викторианской Англии, где участвовавшие в литературной жизни женщины были особенно известны, коммерчески успешны и влиятельны. Работы, посвященные викторианской литературе, демонстрируют тесную связь писательского успеха женщин с социальными и экономическими обстоятельствами середины века. Реформа 1832 года, давшая политические права среднему классу (правда, только мужчинам), предшествовала сокращению налогов на публикацию рекламных объявлений, на бумагу и проч., сделавшему издание газет и журналов дешевым и выгодным бизнесом. В этих условиях расцветали новые типы журналистики, которые давали женщинам среднего класса возможность активно писать и читать, оформлялись коммуникативные связи между писательницами и читательницами, развивались специфические жанры и формы, предполагавшие вовлечение женщин в литературную деятельность⁶.

Подъем английского среднего класса и расцвет женского творчества были тесно связаны — неудивительно, что в творчестве самых разных английских писательниц можно усмотреть эстетические и политические взгляды и предрассудки, типичные для викторианского среднего класса⁷. Пожалуй, общим местом в исследованиях стало утверждение, что гендерные стереотипы английского «хорошего» общества относительно женского творчества — якобы скорее эмоционального, недостаточно логичного, ограниченного преимущественно частной жизнью и проч. — воспроизводились женщинами едва ли не более активно, чем мужчинами⁸. Даже идеи эмансипации в английской литературе XIX

-
- 5 Фундаментальная работа посвящена институту русской критики XX столетия, имеющей намного менее высокий статус в литературном каноне (см.: История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011).
  - 6 См. прежде всего: *Easley A. New Media and the Rise of the Popular Woman Writer, 1832–1860*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. О появлении более массовой журналистики к концу века см.: *Brake L. Subjugated Knowledges: Journalism, Gender and Literature in the Nineteenth Century*. Basingstoke: Macmillan, 1994.
  - 7 О викторианском литературном критике как типичном представителе среднего класса — и в смысле умеренности, и в смысле посредничества между разными социальными группами, включая читателей и писателей, — см.: *Tuchman G., Fortin N.E.* Op. cit. P. 67.
  - 8 См.: *Ibid.* P. 83; *Thompson N.D. Reviewing Sex: Gender and the Reception of Victorian Novels*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1996. P. 10–13; *Wilkes J. Women Reviewing Women in Nineteenth-Century Britain*. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010.

века оказались пропущены сквозь призму достаточно ограниченных представлений среднего класса, считавшего, например, что женское образование необходимо в первую очередь для того, чтобы умерить и смягчить мужскую энергию, устремленную на экономическую и политическую сферы⁹. Если в пределах Англии женщины должны были одомашнить и «цивилизовать» своих мужей или сыновей, то за ее пределами функции их оказывались более зловещими: на викторианских леди, в том числе пишущих, возлагалась принципиальная часть цивилизаторской миссии в обширных колониях Британской империи — своего рода мягкий империализм, призванный морально преобразовать жителей этих территорий в образцовых подданных ее величества¹⁰.

На этом фоне проясняется специфика литературы и общества в Российской империи, для обитательницы которой социальную роль писательницы оказалось далеко не столь легко примирить с выражением ценностей уважаемого общества. Самой очевидной причиной этого является отсутствие консолидированного среднего класса, представительницей которого могла бы ощущать себя, например, Хвоцинская. Еще ее современники неоднократно отмечали эту особенность российского общества, однако ее последствия для литературы до сих пор изучены недостаточно. В частности, купечество в России 1860-х годов относительно редко участвовало в производстве и потреблении журналистики (не в последнюю очередь потому, что многие купцы были старообрядцами и светской литературой не интересовались), представители национальных элит, например в Польше, предпочитали свой язык. В 1860-е годы к тому же выходцы из духовного сословия, которые по уровню образования могли бы войти в состав среднего класса, скорее конкурировали с дворянами за символический капитал, чем пытались добиться единства с ними¹¹. Делу не помогала специфика толстых литературных журналов, наиболее престижного медиа того времени: все они печатались в столицах, а редактировались и издавались мужчинами, причем, в отличие от положения дел в Англии, другие типы периодики пользовались значительно меньшим престижем. Это создавало для Хвоцинской и ее современниц очевидные сложности. Так, Гарриет Мартино, при всей своей любви к утопическому социализму, связывала свою позицию писательницы со средним классом¹². Напротив, Хвоцинской приходилось прежде всего с большими усилиями представлять читателям ту группу, чьи ценности она как журналистка выражала, — провинциалов, в том числе провинциальных женщин. Свои статьи она писала от лица этой группы, противопоставляя себя «публике» вообще, которую можно было бы считать литературным аналогом среднего класса.

В отсутствие социальной базы для консенсуса общественный подъем рубежа 1850-х и 1860-х годов, вызванный смягчением цензуры и объявленным курсом

-
- 9 David D. *Intellectual Women and Victorian Patriarchy: Harriet Martineau, Elizabeth Barrett Browning, and George Eliot*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 21–23.
- 10 David D. *Rule Britannia: Women, Empire, and Victorian Writing*. Ithaca: Cornell University Press, 1995. P. 77–117. Хвоцинская, кстати, выступила с в целом положительной рецензией на пьесу Якова Полонского «Разлад», оправдывавшую подавление Январского восстания 1863 года в Польше: Н.К. Драма с современным интересом // Отечественные записки. 1864. № 7. С. 285–308.
- 11 См. о конфликте между дворянством и поповичами: Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 65–113.
- 12 См.: Петерсон Л. Указ. соч. С. 124.

на реформы, сопровождался серией конфликтов, в которых чувствовавшие себя неполноценными группы пытались заявить права на значимую роль в публичной сфере, в том числе в литературе. Как уже упоминалось выше, самая известная и, наверное, самая значимая для литературы попытка была предпринята радикально настроенными выходцами из духовенства и их единомышленниками. Этот конфликт отразился в критике Хвоцинской скептическим отзывом о правдоподобию «Очерков бурсы» Николая Помяловского (см. ниже). Однако намного более существенными для нее стали выступления других групп, которые она, сознательно или нет, представляла, — прежде всего групп культурно маргинальных. Еще в 1830–1840-е годы в русской критике, в том числе женской, сложилась традиция обсуждать женщин и провинциалов как своего рода периферию поля литературы¹³. Однако эпоха 1860-х годов, с ее социальными реформами и литературной полемикой, придала этому вопросу новую актуальность.

Бурное обсуждение «женского вопроса» в эпоху реформ, как известно, началось и по преимуществу велось мужчинами — обычно здесь упоминается Михаил Михайлов¹⁴. В журналистике возникали попытки пересмотреть эту ситуацию и представить обсуждение женской эмансипации делом самих женщин¹⁵. Схожие процессы шли и в литературной критике — особенно показательна знаменитая дискуссия об образе героини тургеневского романа «Накануне» Елены Стаховой между сторонницей эмансипации Евгенией Тур и ее противницей Натальей Грот¹⁶. Безотносительно к конкретным мнениям, высказанным обеими участницами этой дискуссии, значим сам факт публичной полемики женщин на такую тему. Для Хвоцинской эта проблема, как мы увидим далее, была релевантна, но вторична по отношению к вопросу о месте провинциалов в национальной литературе.

Культурное и политическое значение русской провинции было одной из ключевых тем литературы и журналистики эпохи реформ. Важную роль в формировании представлений о провинции сыграла правительственная политика, предполагавшая формирование предложений крестьянской реформы на уровне специальных губернских комитетов¹⁷. Идеи политической и культурной специфики, отчасти даже автономии, российских регионов оказались востребованы, например, в статьях Афанасия Щапова. В литературе попытку описать глубинку глазами ее жителей предложил еще в 1856 году Михаил Салтыков со своими исключительно популярными «Губернскими очерками», написанными от лица провинциального чиновника Щедрина. Литературное изображение регионов, однако, вызывало у Хвоцинской недовольство: по ее мнению, по преимуществу оно было монополизировано сатирической обличительной литературой, следовавшей примеру Щедрина и, по сути, демонстрировавшей пренебрежительный подход «свысока» к обитателям глубинки. Хвоцинская предъявляла претензии обличителям именно от имени провинциалов (см. раздел 2).

13 См.: *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Gopfert, 1998. См. в особенности главу 2.

14 См., например: *Стаймс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 30–56.

15 См.: *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности / Под ред. Т.А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 94–95.

16 См.: *Gheith J.* Op cit. P. 88–92.

17 См. подробное изложение: *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge; London: Harvard University Press, 1976. P. 102–232.

В исследованиях института литературной критики, ориентированных на западноевропейские образцы с их особой ролью среднего класса, значимость радикальных позиций, направленных на коренной пересмотр общественного порядка и литературной системы, часто преуменьшается. Так, Петер Уве Хоэндалль подробно описывает концепцию Гейне, направленную и против коммодифицирующей искусство буржуазии, и против утилитаристски относящихся к нему социалистов и радикальных демократов, однако позицию самих этих радикалов не анализирует¹⁸. Еще более открыто поступает Терри Иглтон, который с марксистских позиций анализирует трансформацию буржуазной публичной сферы и вместе с нею литературной критики, пытающихся защититься от своих оппонентов в эпоху активной классово-борьбы первой половины XIX века, однако не рассматривает выражение самих радикальных позиций в критике¹⁹. Напротив, намного более значительным было, по мнению критиков, представление о литературе как институте, обеспечивающем равноправную дискуссию между представителями хорошего общества — и подчас исключаящим из этой дискуссии людей, которые в хорошее общество не допускались.

Между тем учитывать значение идей радикалов, отвергающих гегемонию буржуазной или дворянской публики, необходимо для историка критики. Даже английскую литературу XIX века, при всей роли в ней среднего класса, нельзя описать, не обращаясь к альтернативному канону, предложенному чартистами²⁰. Тем более нельзя представить историю русской литературной критики без позднего Виссариона Белинского, без Николая Чернышевского или Дмитрия Писарева, которые не только были оппозиционно настроены политически (последний написал свои самые известные статьи в тюрьме, куда попал за революционную прокламацию), но и последовательно критиковали эстетическую автономию искусства²¹. В женской литературной критике их наиболее ярким аналогом обычно предстает Мария Цебрикова, соединявшая принципиальное участие в радикальных журналах с резкой критикой «мужского» канона, включая Льва Толстого или Ивана Гончарова, во имя женской эмансипации²². Как мы покажем далее, такой подход значим и для Хвоцинской, занимавшей совершенно иную позицию.

В России времен Хвоцинской либеральный подход к литературе как к выражению мнений образованной публики, претендующей на роль культурных (а в пределе — и политических) лидеров национального сообщества, ассоциировался с представителями так называемой эстетической критики. Так, в программной статье Павла Анненкова «О значении художественных произведений для общества» (1856) утверждается, что искусство способствует «художествен-

18 Hohendahl P.U. *The Institution of Criticism*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982. P. 83–125.

19 Eagleton T. *The Function of Criticism: From the Spectator to Post-Structuralism*. London: Verso, 2006. P. 36–39.

20 См. о чартистской критике: Vargo G. *An Underground History of Early Victorian Fiction: Chartism, Radical Print Culture, and the Social Problem Novel*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 19–25.

21 См. Moser C.A. *Esthetics as Nightmare. Russian Literary Theory, 1855–1870*. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 218–270.

22 См. о Цебриковой прежде всего: Кулиш Ж.В. М.К. Цебрикова. Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988.

ному воспитанию общества» (надо полагать, образованного), но в то же время действует и «на психическую сторону народа»²³. По всей видимости, под «народом» здесь имеется в виду невестернизированное население, которое литература, по Анненкову, приближает к образованной публике. Как показывает случай Хвоцинской, проводить такую позицию в реальности было сложно, особенно для женщины из провинции, представительницы дважды маргинализованной группы. Напротив, радикальные критики обычно подчеркивали принципиальную расколотость общества, разделенного на угнетателей и угнетенных (Добролюбов обычно обозначал последних как «народ»), и не верили в способность литературы исправить это положение дел.

Внутреннюю сложность литературной позиции Хвоцинской-критика следует описывать, таким образом, не как противоречия самой писательницы или продукт интериоризованного патриархального дискурса, а как реакцию на структурные конфликты, характерные для института литературы, в котором Хвоцинская активно участвовала. Этому соответствует и сложность этой позиции, в которой соединяются либеральные эстетические убеждения и, на первый взгляд, противоречащие им утверждения об устройстве общества.

«Большинство важно, потому что оно большинство...»: эстетика и социология в критике Надежды Хвоцинской

Едва ли можно сомневаться, что в начале 1860-х годов Надежда Хвоцинская была убежденной либералкой. Об этом свидетельствует хотя бы выбор ею места для публикации статей — самый, пожалуй, последовательно либеральный журнал этого периода «Отечественные записки», с редактором которого Андреем Краевским писательница вела многолетнюю доверительную переписку. О значимости для Хвоцинской этого выбора свидетельствует, например, ее встревоженное письмо Краевскому от 17 декабря 1867 года, в котором она подчеркивала, что передача редакции журнала значительно более политически радикальному Николаю Некрасову — это «перемена для меня, свившей себе гнездо в “Отечественных записках” и научившейся в них и писать, и думать»²⁴. Радикалов Хвоцинская оценивала явно скептически — достаточно вспомнить ее сожаления по поводу влияния Николая Чернышевского на университетскую молодежь²⁵.

В цикле своих литературно-критических статей за подписью «В. Поречников», вышедшем в «Отечественных записках» начала 1860-х годов, Хвоцинская, по всей видимости, стремилась последовательно проводить эту же либеральную позицию. Это проявляется уже в корректном, сдержанном тоне ее статей, обычно снабженных множеством оговорок и уточнений, который резко

23 Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Отв. ред. В.К. Кантор, А.Л. Осоват. М.: Искусство, 1982. С. 360.

24 «Я живу от почты и до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвоцинской / Сост. и публ. А. Розенхольм и Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2001. С. 49.

25 Там же. С. 28. Письмо Николаю Щербине от 12 августа 1861 года. См. также многочисленные примеры в статье Х. Хогенбом в настоящем кластере.

отличается от прямолинейной или/и откровенно издевательской в отношении противников манеры авторов наподобие Добролюбова, Чернышевского или их консервативного оппонента Каткова. Умеренность проявляется и в прямой критике и «правых», и «левых» крайних мнений — например, Хвоцинская осуждает околославянофильскую повесть Кохановской (Надежды Соханской) за «домостроевскую», по ее мнению, мораль, где нет места сочувствию к падшей женщине²⁶, но критикует и сторонницу эмансипации Юлию Жадовскую, у которой развитая женщина автоматически получает карт-бланш на любые поступки (см. раздел 3). Наконец, встречаются у Хвоцинской и прямые указания на либеральное понимание общества как группы вестернизированных людей, объединенных критическим мышлением и доступом к культурным благам (так сказать, «буржуазной публичной сферы»). Критикуя Николая Помяловского за излишне мрачное, на ее взгляд, изображение жизни семинаристов, Хвоцинская пишет: «...преувеличение лишает их сочувствия общества. <...> Впрочем, не заметно, чтобы г. Помяловский желал возбудить это сочувствие...»²⁷ На взгляд писательницы, «общество» — это группа, исключая самих семинаристов (по крайней мере, по умолчанию не включающая их), литература же должна вызывать в нем полезные в гражданском смысле эмоции.

В принципиальном споре об эстетике, развернувшемся между радикальными демократами и их оппонентами, Хвоцинская, как нетрудно ожидать, оказалась на стороне вторых: она подчеркивает автономную природу литературного творчества и значение искусства, которые атаковали Чернышевский и его последователи. Так, описывая засилье «обличительной» литературы, подражающей «Губернским очеркам» Щедрина и изображающей по преимуществу взяточничество и разнообразные пороки мелких чиновников, Хвоцинская апеллирует именно к праву читателя получать эстетическое удовольствие и скептически оценивает сугубо утилитарный подход к литературе:

Журналы еще щадили и не отвергали обличителей ради их доброго намерения; но провинция уж давно говорила, что есть мера «пользы в искусстве», что обличение в том виде, в каком оно является, — уже не сатира, а пасквиль. <...> Провинция не отказывалась читать его ради своего назидания, но просила дать передохнуть ее эстетическому чувству...²⁸

Эстетическим аргументом Хвоцинская пользуется и осуждая Алексея Толстого, который, по ее мнению, в своем романе «Князь Серебряный» выполнил пожелания читающей «массы» (о значении этого понятия речь пойдет ниже), но нарушил требования искусства²⁹.

26 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. II // Отечественные записки. 1862. № 1. С. 364–374.

27 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. V // Отечественные записки. 1862. № 10. С. 248. О либеральном стремлении Хвоцинской интегрировать семинаристов в общество (а не подчеркнуть их угнетенное положение) на материале ее романа «Баритон» (1857) см.: Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60–70-х гг. XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009. С. 54–68.

28 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. I // Отечественные записки. 1861. № 12. С. 129.

29 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. VII. Князь Серебряный, Исторический роман гр. Толстого // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 165.

В то же время писательница крайне резко отзывалась о теории «искусства для искусства», намекая на ее связь с привилегированным «барским» положением:

...проповеди этой теории всегда казались нам полусонным пошвыстываньем бари-ча, который, приятно пообедав, сидя у камина, слушает далекий скрип промерзшего обоза. <...> Жизнь, хотя бы и обыкновенная, с ее радостями и невзгодами, мелкими величиями и важными мелочами, хотя бы и наша провинциальная, но жизнь с ее внутреннею стороною, — вот, по нашему мнению, задача художника...³⁰

Резкие отзывы об «искусстве для искусства», впрочем, встречаются у самых разных авторов, скажем, у Аполлона Григорьева³¹. В то же время правдивое изображение жизни в ее многосторонности и нравственное влияние на публику вовсе не отрицались и такими «эстетическими» критиками, как сотрудник «Отечественных записок» Степан Дудышкин, пригласивший Хвоцинскую в журнал Краевского³². Вообще едва ли возможно представить себе русского критика этого периода, каким бы эстетом он ни был, который однозначно отрицал бы общественную пользу, приносимую искусством.

Однако, когда речь заходит об общественном значении литературы и критики, об отношениях автора и читателя и о социальной роли критики, позиция Хвоцинской оказывается в некоторых отношениях близка к тому самому Чернышевскому, которого она осуждала. Особенно это заметно в статьях Хвоцинской, посвященных живописи, где ставится под сомнение превосходство картины над действительностью, отрицание которого и стало центральным тезисом диссертации Чернышевского. Оба критика скептически относятся к претензиям искусства на высшую правду и утверждают, что условность живописи скорее связана с необходимой по эстетическим причинам «идеализацией», чем с изображением подлинного идеала. Приведем цитаты из этой статьи и из диссертации Чернышевского, выделяя жирным шрифтом совпадающие выражения:

В самом деле, так ли, как следует, мы до сих пор понимали прекрасное? **Прекрасное есть истина**, говорили нам всегда. **Идеализированная**, прибавляют некоторые. До какой степени? — спросим мы, чувствуя, что идеалы бледнеют пред этой **действительностью**, может быть, резкой, черствой, некрасивой, но действительностью неоспоримой, поражающей, неизбежной, если так можно выразиться, говоря о произведении искусства. В эпоху строгого анализа, серьезного исторического изучения, разработки мельчайших фактов, в эпоху беспощадную для всех заблуждений должна ли еще сохраниться **идеализация** в искусстве? Прав или неправ художник, который отвергает красоту, потому что красота — редкость, эффектное **освещение** — потому что оно условно, **грацию** — потому что он пишет живых людей, а живые люди группируются и стоят не для поз, а **как случится?**.. Говорили, что искусство должно «украшать» истину; но что украшено, то ложно. Может быть, искусство может *выбирать*? Но что выбрано, то истинно не вполне...³³

30 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо I. С. 130. Здесь и далее курсив Н. Хвоцинской.

31 Ср. характеристику эстетического отношения к искусству как гастрономического наслаждения демонстративным потреблением: Григорьев А. Эстетика и критика / Изд. подг. А.И. Журавлева. М.: Искусство, 1980. С. 406–407. Статья «Русский театр. По возобновлении в первый раз...» (1864).

32 См.: Moser C.A. Op. cit. P. 119.

33 Н.Х. Несколько слов о картине Иванова // Иллюстрация. 1858. № 26. 3 июля.

Красота, сознающая свою красоту и занимающаяся ею, учащаяся перед зеркалом быть прекрасною, суетна, т. е. ничтожна. Аффектация красоты в **действительно** существующем — совершенная противоположность истинной **грации**. **Случайность**, непреднамеренность красоты, ее незнание о самой себе — зерно смерти, но и прелесть прекрасного в **действительности**; так что в сознательной сфере прекрасное исчезает в ту минуту, как узнает о своей красоте, начинает любоваться на нее.

<...>

Некоторые **прекрасные** предметы составляют соединение многих предметов; <...> в отдельном ли предмете мы находим красоту, или в **сгруппировке** предметов, следствие будет одно и то же, если мы строже рассмотрим красоту. На поверхности прекрасного предмета мы откроем то же, что в прекрасной **сгруппировке** предметов: между прекрасными частями найдутся непрекрасные <...>. Хорошо еще, что наш глаз — не микроскоп, и простое зрение уже **идеализирует** предметы <...>. Мы видим только при известной степени отдаления. А отдаленность **идеализирует** уже сама по себе³⁴.

Как мы уже писали выше, Хвоцинская склонна к более сдержанному языку и пользуется множеством оговорок и уточнений, однако и ее понятийный аппарат, и общее сомнение в «истинности» искусства роднят ее с создателем «Эстетических отношений искусства к действительности».

Близость между этими авторами складывается, как кажется, не в силу влияния, а в силу вполне объективных общественных обстоятельств, в которых и Хвоцинская, и радикальные демократы могли чувствовать себя представителями не полноправно представленными в литературной жизни групп населения и стремиться это угнетение преодолеть. Чернышевский и Добролюбов были типичными радикально настроенными разночинцами, испытывавшими чувство неполноценности по сравнению с дворянами, выступавшими с позиций культурной гегемонии. Как характерно для публицистов радикально-демократического журнала «Современник», они в то же время воспринимали себя как представители и защитники интересов «народа», то есть прежде всего экономически угнетенного крестьянства³⁵. Хвоцинская могла, со своей стороны, воспринимать себя как выразительница интересов провинциалов и женщин — двух групп, традиционно исключенных из культурного производства или, по крайней мере, сильно ограниченных (см. ниже в этом отделе о значении женщин для критики Хвоцинской)³⁶.

Если пользоваться предложенным Юргеном Хабермасом разграничением между идеальными типами критики как «продуктивного дополнения к производству искусства» или «защитницы интерпретативных потребностей широкой публики», статьи Хвоцинской оказались бы типичными образцами второго типа³⁷. Это проявляется, например, в программном описании критической деятельности Белинского:

---

34 *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 33, 34.

35 См., например, программную статью Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858).

36 См.: *Lounsbury A.* Op. cit. P. 163.

37 *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А.В. Денежкин, пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 25–26. Подробнее эта же идея развита в классической книге философа (см.: *Habermas J.*

Критика не вызывает талантов, она только наставляет развивающиеся таланты: вечный и наш единственный пример — Белинский, учитель целой школы, <...> новая школа должна бы желать себе нового Белинского, критико-эстетика, терпеливого, изящного руководителя, строгого судью, насмешливого указателя промахов вкуса, беспощадного гонителя промахов против искусства³⁸.

Из приведенной цитаты заметно своеобразие позиции Хвоцинской. С одной стороны, она подчеркивает необходимость эстетической оценки, борьбы с «промахами против искусства». В этом смысле ее интерпретация Белинского, конечно, отличается, например, от предложенной Чернышевским в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855–1856). С другой стороны, ставя современным литераторам в образец Белинского, она принципиально ориентируется на его позднее творчество, когда Белинский выступал в роли лидера натуральной школы и как раз стремился направлять в нужную ему сторону творчество «талантливых» писателей. Ранний Белинский, пытавшийся воспитать в своих читателях эстетическое чутье и подчеркивавший значение великого искусства, Хвоцинскую здесь не интересовал. В смысле описания места критика в литературе она оказывалась скорее ближе к Чернышевскому, чем к его оппонентам наподобие Александра Дружинина, подчеркивавшим значимость именно раннего Белинского (см., например, его статью «Сочинения Белинского», 1859). Показательно, что Степан Дудышкин, во многом единомышленник Хвоцинской, со страниц того же журнала хвалил позднего Белинского, но натуральную школу не упоминал и подчеркивал прежде всего не влияние на литераторов, а воздействие на «мнение публики» по отношению к ним³⁹.

В своих статьях Хвоцинская открыто позиционирует себя как голос провинциалов, обычно лишенных права полноценно участвовать в публичной литературной жизни, а в некоторой степени — как голос женщин, читательские интересы которых мало учитываются в столичной журналистике⁴⁰. Само название цикла «Провинциальные письма» уже указывает на принципиальную позицию Хвоцинской⁴¹. При этом провинциальный читатель в ее критике не монолитен: первое же письмо предлагает своеобразную классификацию интересующихся журналами провинциалов, причем классификацию, зависящую от богатства и престижа участников. Классифицировать их по разным группам, с точки зрения Хвоцинской, необходимо затем, чтобы дальше демонстрировать, как они реагируют на различные литературные произведения и какую позицию нужно занимать писателю, чтобы оказаться востребованным и полезным для этих групп.

В отличие от критиков «Современника» Хвоцинская не претендовала, конечно, быть выразительницей интересов «народа», однако провинциалы, от

The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Trans. by T. Burger with the assistance of F. Lawrence. Cambridge: The MIT Press, 1991. P. 41–42).

38 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. VI. С. 50.

39 В.Г. Белинский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2011. С. 118.

40 О Хвоцинской-Поречникове как голосе провинциальных читателей на примере цитированного выше отзыва о Помяловском см.: *Gheith J.* Op. cit. P. 109.

41 Схожим образом назвал свой критический цикл Дружинин, автор «Писем иногородного подписчика». То, что в фельетонах Дружинина было литературной маской, у Хвоцинской становится ответственной позицией.

имени которых она говорила, в ее статьях представляют на фоне литераторов из столиц демократическое сообщество, которое в идеале могло бы объединиться именно на основании общей для всех провинциальности. «Большинство, занятая одной беллетристикой, важно потому, что оно большинство, масса; меньшинство, также читая романы и повести, соединяется с нею и вносит свои суждения; все вместе и есть публика, с ее разнообразием вкусов и впечатлений», — утверждает Хвоцинская⁴². Здесь следует обратить внимание на понимание ею понятия «масса», в целом далекое от более поздних представлений о массовом чтении. Самым незначительным представителем этой «массы» становится у Хвоцинской «кружок небогатый, необеспеченный, чиновники»⁴³. Права этих чиновников и им подобных писательница будет принципиально отстаивать.

Критик, согласно Хвоцинской, вовсе не обязан становиться на сторону привилегированных групп: образованных столичных литераторов можно и нужно оценивать с позиции наивных провинциалов, чье мнение заслуживает публичного выражения. В этой связи важен ее тезис, что жителей провинции лучше понимать не по изображениям в столичной литературе, а по их собственным суждениям о ней: «Любопытно и бесполезно прислушиваться к толкам читателей; часто в своих суждениях о литературе общество обрисовывает и определяет само себя лучше, нежели бы сделал это сторонний наблюдатель и правоописатель»⁴⁴. В своих статьях Хвоцинская претендовала на то, чтобы донести до литераторов позицию этих провинциалов, сделать их мнение публично слышимым и значимым. Призыв прислушаться к провинциалам регулярно повторяется в ее статьях. Так, авторов прозы о бедных чиновниках она призывает отказаться от покровительственного отношения к своим героям: «Если эти люди — точно *люди*, какими знает их литература, им тяжело являться в глазах общества униженными и защищенными...»⁴⁵ Провинциалы, по мнению Хвоцинской, жаждут не только социально-критических обличений, но и альтернативы своей жизни, идеализированных образцов поведения и переживания, а потому не могут принять чрезмерно скептического изображения, например, Инсарова в романе Тургенева «Накануне»: «Литература сама бросилась в эту крайность: она стала правдива до скуки»⁴⁶. Хвоцинская транслирует точку зрения провинциалов даже в споре о смысле слова «беллетристика», по поводу которого русские критики со времен Белинского привели немало эстетических и исторических аргументов: провинциальный читатель «под названием “беллетристика” понимает чистый роман, создание вымысла, или правдивый рассказ, но отделанный, законченный как создание...»⁴⁷

Под защиту места провинциалов в литературе Хвоцинская подводит историческое обоснование — ссылку на силу модерности, объединяющей столицу и провинцию и тем самым подрывающей их иерархию. Современность, на ее взгляд, преобразует провинцию, делая ее полноценной участницей национальной жизни:

42 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. I. С. 122.

43 Там же. С. 124.

44 Там же. С. 122.

45 Там же. С. 125.

46 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. IV // Отечественные записки. 1862. № 8. С. 272.

47 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. V. С. 246.

Уже не наружно только, не из одной моды, мы отвергаем прежние предрассудки, изменяем прежние обычаи, отказываемся даже от преданий. Мы начали говорить не по-прежнему. У нас поднимаются толки; в нас, не на словах только, как было пять лет назад, но в самом деле родилось сознание⁴⁸.

Конечно, можно связать выступления Хвоцинской в защиту провинциалов с ее критическим отношением к положению женщины в литературе. Сделать это, впрочем, не так просто: в ее статьях, неслучайно написанных от имени мужчины, подчас воспроизводятся (как и у ее викторианских современниц) негативные стереотипы о женском письме и чтении⁴⁹. Так, Хвоцинская подчеркивает особую эмоциональность женщин-читательниц, когда замечает, что роман «иногда волнует нервы женщин, всегда усыпляет мужчин и никогда не возбуждает серьезных вопросов»⁵⁰. Женщины (по крайней мере, в общем случае) пишут, по мнению Хвоцинской, «помягче и послаще» мужчин, а потому и добились успеха в пору господства «обличителей»⁵¹.

Однако можно оценить позицию Хвоцинской и иначе — с точки зрения критики значима ее убежденность в том, что женщины имеют право на определенные запросы к литературе и на выполнение этих запросов. Обсуждая недавний расцвет чувствительной женской литературы как реакцию на постоянные сатирические обличения, она заявляет, что «женщины, страдая первые, взялись сами удовлетворить этой потребности»⁵². Критикуя столичные журналы за нежелание печатать интересные произведения летом, Хвоцинская ссылается одновременно и на провинциалов, и на женщин: «Провинциалы, особенно дамы, читают летом, в отличие от столичных жителей»⁵³. В этом контексте понятно внимательное обсуждение у Хвоцинской того, как писательницы, будь то Сохановская, Жадовская или Панаева, изображают героинь, особенно из провинции: она пыталась представить собственную позицию женщин, часто становившихся лишь объектами изображения на страницах столичных журналов. Хотя географические различия между столицей и провинцией, видимо, были для Хвоцинской важнее, ее позиция в литературной критике требовала повышенного внимания к разным типам читателей, недостаточно представленным в формировавшейся в толстых журналах публичной сфере.

Вместо якобы единого и нейтрального общества, центрированного вокруг ценностей среднего класса, Хвоцинская видела находящуюся в состоянии конфликта (агональную, как сказала бы Ханна Арендт) публику, состоящую из провинциалов и столичных жителей, женщин и мужчин, дворян и бедных чиновников, и проч. Ее восприятие литературы как пространства социальных конфликтов, таким образом, принципиально отличалось от либерального подхода к искусству, построенного на попытке поддержать воображаемое тождество среднего класса и читающей публики.

48 Там же. С. 244.

49 См.: *Строганова Е.Н.* Указ. соч. С. 148.

50 *В. Поречников.* Провинциальные письма о нашей литературе. I. С. 124.

51 Там же. С. 128.

52 Там же.

53 *В. Поречников.* Провинциальные письма о нашей литературе. III. С. 36.

Эмансипация поневоле: повесть «Пансионерка» и критика Хвощинской

«Пансионерка», пожалуй, самая известная повесть Хвощинской, многократно сопоставлялась с ее критическими статьями, особенно с разбором повести Жадовской «Отсталая». Так, Строганова полагает, что позиция Хвощинской в критике совпадает с точкой зрения героя повести, который осуждает чрезмерно эмансипировавшуюся под его собственным влиянием главную героиню⁵⁴. Напротив, Арья Розенхольм утверждает, что подобные параллели непродуктивны⁵⁵. В этом разделе мы попытаемся показать, что «Пансионерка» действительно связана с критикой Хвощинской, однако связь эта проявляется не в том, какая оценка позиции героини дается в повести, а в том, как объясняется формирование этой позиции. Проблематизируя собственный статус как образованной женщины из провинции, Хвощинская показывает, почему радикализация для представительницы непривилегированного общества в целом закономерна.

Сюжет «Пансионерки» прост: сосланный в провинциальный город за некие стихи образованный молодой человек Веретицын знакомится с ученицей местного пансиона Лёленькой. Веретицын, фрустрированный необходимостью служить за нищенское жалованье, доказывает ей бессмысленность ее образования и патриархальной семейной жизни, а также знакомит с творчеством Шекспира. Под впечатлением от нового знакомства Лёленька практически перестает учиться и позорно проваливает экзамен в пансионе, после чего родители задумывают выдать ее замуж без ее согласия. В довершение своих неприятностей влюбившаяся в Веретицына Лёленька узнаёт, что тот уже давно испытывает сильные чувства к местной дворянке Софье. Через восемь лет Веретицын, которому разрешили покинуть провинцию, сталкивается в Петербурге с бывшей Лёленькой — теперь молодой художницей Еленой Васильевной, живущей своим трудом, не желающей выходить замуж и ни от кого зависеть. Веретицын с печалью сравнивает ее с Софьей, пожертвовавшей счастьем и будущим во имя своих детей.

Исследователи, такие как Строганова, справедливо заметили, что разрыв главной героини с прошлым, с семьей и с провинцией в финале повести выглядит не очень благовидно, если сравнить его с высказываниями самой Хвощинской в ее разборе повести Жадовской «Отсталая». Действительно, разбор повести Жадовской был отправлен в печать в мае 1862 года, то есть меньше, чем через два года после завершения «Пансионерки»⁵⁶, и может быть связан с сюжетом этого произведения. Нелестные характеристики героини Жадовской, которые даются в статье, и правда легко применить к Елене Васильевне: «Мы не знаем, полезны ли “твердые, развитые”»; но дайте нам еще тех, наших отсталых, которые умеют щадить, прощать, которые, чувствуя, что им больно от чужого не-

---

54 *Строганова Е.Н.* Указ. соч. С. 144. См. также: *Погребная В.Л.* Н.Д. Хвощинская как критик женского творчества // *Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки.* 2012. № 1. С. 77–82.

55 *Розенхольм А.* «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвощинской // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia.* № 4. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту: Tartu University Press, 1995. С. 145.

56 См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 391. № 803, л. 31 об. Письмо Краевскому от 16 июня 1862 года.

образования, не бьют необразованных еще больше своим умом...»⁵⁷ В то же время в критике Хвоцинской можно найти и другие высказывания, которые выставляют героиню «Пансионерки» в более выгодном свете. В другой статье она, например, излагает, что говорит современной женщине «новое время»:

Будь тверда; когда привязанность, в которую ты положила все твои силы, изменяет тебе, бьет твое сердце — не дай ему умереть; вспомни, что в жизни есть и другие цели, а когда отдохнешь от того, что вынесла — оглянись: может быть, тебе встретится и другая привязанность⁵⁸.

В этом контексте, кстати, отказ Елены Васильевны от романтических привязанностей, который, в частности, педалирует в указанной выше статье Арья Розенхольм, может и не быть окончательным.

Как кажется, в повести для объяснения поступков Софьи и Лёленьки предлагаются совершенно разные логики, отчасти соответствующие позиции Хвоцинской, которая в литературной критике объединяла либеральные ценности и радикальные представления об устройстве общества. В «Пансионерке» героини существуют как бы в разных измерениях, которые определяются конфликтующими представлениями о гендерных ролях. Различия между подобными представлениями в современной действительности формулирует Елена Гапова, ссылаясь на Нэнси Фрейзер:

...с одной стороны, под гендером понимается социальное разделение, подобное классовому, т.е. связанное с распределением ресурсов, но проходящее по линии пола и являющееся следствием разделения труда (в частности, фундаментального разделения между производительным и непроизводительным, например репродуктивным, трудом). Другая перспектива связана со статусной дифференциацией, и в этом случае понятие гендера относится к сфере идентичности и признания различия⁵⁹.

В реальности Софьи принципиальной проблемой оказывается именно «признание различия» — ее особая роль как носительницы «женского» идеала. В начале повести Веретицын описывает Софью как исключительное существо, воплощающее классические ценности, обычно приписывавшиеся женщинам (самоотверженность, эмоциональность, сострадание): «Красавица, мила, как ребенок, думает, чувствует за всех, кроткая, с ответом на всякую мысль, с слезами на всякое страдание... Я, бывало, из себя выхожу: как смеют говорить с ней, смотреть на нее другие?»⁶⁰ Неудивительно, что ее готовность пожертвовать счастьем и свободой во имя своей семьи и детей, о которой Веретицын говорит в финале, соответствует мнению Хвоцинской о границах эмансипации и об идеальной роли женщины, выраженному в разборе повести Жадовской.

Однако для бедной и незнатной Лёленьки позиция Софьи выглядит как реализация социальных привилегий, основанных на возможности отказаться от значительной части своего труда. Лёленька, даже без мужа и детей, вынуж-

---

57 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. III. С. 45.

58 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. VI. С. 59.

59 Гапова Е. Классы наций: Феминистская критика нациостроительства. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 341–342.

60 Хвоцинская Н.Д. Повести и рассказы / Сост., подг. текста, послесл., примеч. М.С. Горячкиной. М.: Московский рабочий, 1984. С. 92. Далее цитаты из повести даются по этому изданию с указанием номера страницы в тексте.

дена постоянно над чем-то работать — учиться, заниматься домашним хозяйством, следить за младшими членами семьи. Причиной этой деятельности оказывается не самореализация и не следование нравственному долгу, а угнетение, господствующее в патриархальном семействе. Соответственно, либеральное понимание гендерных ролей Лёленьке совершенно чуждо — и в этом, как показывает повесть, вовсе не ее вина.

Хвоцинская была крайне скептически настроена по отношению к книжным сюжетам, где женщину «развивает» или готовит для новой жизни мужчина. Она недоумевала: «...мы не можем понять, почему жизнь в книге должна просветить женщину больше, нежели точь-в-точь такая же жизнь в действительности»⁶¹, — а позже ехидно комментировала: «В помощь превращению является всегда руководитель, всегда мужского рода...»⁶² На этом фоне «развитие» Лёленьки может показаться образцом того, как не должно происходить взросление девушки. Особенно это заметно, если учесть, что под влиянием Веретицына пансионерка читает «Ромео и Джульетту» Шекспира, которого Хвоцинская буквально приводит в пример неподходящего средства для «развития»: «Странные существа после этого женщины, если им нужна сказка для того, чтобы заставить их думать — сказка, повторяем, хотя бы гениальная, хотя бы Шекспир, не только г. Тургенев!»⁶³ Неудивительно, что влюбленность в Веретицына подается в повести как сугубо книжное чувство. Одна из ключевых сцен, например, посвящена тому, как Лёленька наблюдает за окном Веретицына из ночного сада и мечтает его увидеть:

Лёленька <...> целый час наблюдала не только над пустой дорожкой сада, но над тем, что делалось дальше, во дворе соседей. В доме их зажглись огни и замелькали, переходя из одного окна в другое. Лёленька чуть не вскрикнула: единственное окно, примыкавшее к саду, осветилось, отворилось, ей показалось, что его отворил Веретицын. Но ему, должно быть, показалось холодно: окно заперлось почти в ту же минуту; Лёленька услышала только стук рамы. Свеча стояла так близко к стеклам, что ничего нельзя было рассмотреть в глубину комнаты (136).

Этот фрагмент, как кажется, отсылает к вышедшему двумя годами ранее роману Тургенева (в приведенной выше цитате из статьи Хвоцинская упоминает его наряду с Шекспиром) «Дворянское гнездо», однако с инвертированными гендерными ролями и противоположным результатом⁶⁴. У Тургенева Лаврецкий проникает в сад и смотрит в окна Лизы, а в итоге встречается с нею; у Хвоцинской девушка смотрит на окна мужчины из своего сада, а результатом оказывается отсутствие встречи, явно предсказывающее развязку любовной истории. В свою очередь, эта развязка также связана с книгой. Когда Лёленька понимает, что Веретицын любит другую, ее расставание со всякими надеждами сопровождается буквально расставанием с книгой:

Бог знает почему, вдруг вспомнились ей, — а эти слова еще так ей нравились: «Любовь летит к предмету любви, как школьник бежит от книги...»

Проклятая книга, в которой это написано! Эта книга, смятая, сложенная вчетверо (так научили!), была тут, в кармане, привыкла лежать в нем... Лёленька вы-

---

61 В. Поречников. Провинциальные письма о нашей литературе. III. С. 42.

62 Там же. С. 43.

63 Там же.

64 О других отсылках к Тургеневу см.: Andrew J. Op. cit. P. 125–126.

хватила ее и, разбежавшись, бросила через плетень в соседний сад. Она точно оторвала свое сердце и бросила (170).

В своей статье Хвощинская противопоставляет «книжное» воспитание «жизни» или «действительности» — однако у ее героини такой альтернативы нет. Пансионское воспитание Лёленьки не менее, а более книжное, чем уроки Веретицына: оно построено на старинных учебниках, которые описываются как не имеющие никакой связи с ее повседневной жизнью. Веретицын постоянно насмехается над необходимостью учить бессмысленные, не укладывающиеся ни в какую систему сведения, например о жизни французских королей. Единственная «пансионская» книга, название которой читатель точно узнаёт, — это риторика Николая Кошанского, которая для русских критиков, особенно для Белинского, была образцом бесполезного и оторванного от действительности образования. Именно с риторикой Кошанского ассоциируется письмо отца, которое Лёленьке приходится переписывать (161). Интересным образом и сама Хвощинская в письме Краевскому характеризует провинцию из своей повести как книжное пространство, отсылая к классическому топосу: «Я очень довольна, если вам понравилась *Пансионерка*. Я, напротив, боялась, что она вам не понравится, — в ней нравы счастливой Аркадии — рязанской»⁶⁵.

Из повести вполне понятно, что Веретицын не годится на роль наставника, — однако в уездной действительности у Лёленьки нет возможности избежать принуждения и давления со стороны мужчин, будь то учителя или родственники. Интересным образом Веретицын с самого начала отказывается «развивать» Лёленьку: «Впрочем, успокойся, человек моральный: я не стану волновать ее воображения, “развивать” ее... Это так же старо, как ее Лудовики» (100)⁶⁶. Напротив, родственники Лёленьки пытаются навязать ей патриархальный порядок, в котором она обязана подчиняться отцу, мужу и прочим авторитетным старшим, как бы грубы или жестоки они ни были. Сюжет повести подтверждает слова Веретицына, замечаящего:

Скучайте, когда это им угодно; морите себя над книгой, над работой, над чем случится; выставляйтесь напоказ, когда они вас выставят, — это их воля, это им приятно: вы их собственность. Вы не просили у них родиться, вы не вправе просить жить так, как вам самим вздумается. <...> А что вас поведут в публику, то, конечно, для того, чтоб папеньки и маменьки тех подруг ваших, которых вы перегоните, смотрели и казнили, зачем господь не послал и им таких же дочерей (114).

Судя по повести Хвощинской, у типичной пансионерки из провинции нет возможности избежать давления со стороны патриархального порядка и авторитетных, но чуждых ей мужских книг — вопрос не в том, будут ее воспитывать мужчины и книги или действительная жизнь, а в том, какие мужчины и книги будут ее воспитывать. Вместо «настоящей» реальности Лёленька изначально помещена в социальное пространство, которое, как и в критике Хвощинской, определяется соотношением между более и менее привилегированными людьми, и выйти за пределы этого соотношения она не может.

65 ОР РНБ. Ф. 391. № 803, л. 36 об.–37. В публикации писем Хвощинской это место приведено неверно («Я живу от почты до почты»... С. 42).

66 См.: *Andrew J. Op. cit.* P. 120.

Представителем столичного и в политическом отношении радикального мира оказывается Веретицын. Как кажется, неслучаен анахронизм: хотя события большей части «Пансионерки» происходят, видимо, в конце царствования Николая I, он употребляет в речи слово «самодур», цитируя вышедшее после смерти Николая произведение: то ли пьесу Александра Островского «В чужом пиру похмелье», то ли — с намного большей вероятностью — статью Добролюбова «Темное царство», где этому выражению был придан обобщающий смысл: «В другой книжке у вас написано, что такой-то и такой-то был великий человек — и верьте; не смейте соображать ничего, а то неравно поймете, что один великий был самодур, другой негодяй, третий потому безгрешен, что согрешить не подвернулось случая» (119). Неравенство столичного и провинциального миров определяет основную коллизию положения Веретицына, который не хочет быть мелким провинциальным чиновником и испытывает постоянные унижения в этой позиции. Однако даже на его фоне Лёленька, ограниченная своим гендерным статусом и возрастом, чувствует себя неполноправной: у нее вообще нет никаких средств к жизни, по сути, нет и никаких семейных прав.

В финале «Пансионерки» ее главная героиня переходит в столичный мир, который ассоциируется у нее со свободой и отсутствием навязанных извне ограничений. В повести это несомненно подается как радикализация и эстетическая, и политическая. Показателен возмущенный монолог Елены Васильевны, обращенный против представителей предыдущего поколения наподобие Веретицына:

О, ваши старые правила! — прервала она уже без шутки и с особенным увлечением. — От них все наше зло, все несчастье нашего поколения! Вы их поддерживали, вы им покорялись, вы довели до того, что мы принуждены биться, страдать, чтоб вырваться из-под этого гнета и выработать себе какую-нибудь возможность жить полегче!.. <...> Вы все тосковали да мечтали и обленились до невозможности трудиться... (180)

Этот разрыв, как кажется, должен напоминать о принципиальных высказываниях Чернышевского наподобие статьи «Русский человек на rendez-vous» (1858), посвященной очень схожей критике предыдущего поколения, по Чернышевскому, во многом ответственного за страдания поколения нового. Особенно показательно критическое отношение Елены Васильевны к искусству, которое в ее глазах не способно объяснить реальность. Издеваясь над Веретицыным, восхищающимся Софьей, она замечает: «Вы поэтизируете, потому что все еще влюблены в нее, — прервала Лёленька, засмеявшись. — “Ее белокурая головка, их кудрявые головки...”» (185) Хотя сама героиня и копирует картины, ее деятельность как «поэтическая» не маркирована: перед нами труд, способ заработать на жизнь, а вовсе не создание потенциально лживых образов. Если раньше жизнь Лёленьки описывалась с помощью книг, то теперь героиня оказывается как бы за пределами литературного пространства. В этой связи показательно, что в финале повести нарратор больше не пытается передавать чувства и мысли Елены Васильевны⁶⁷.

---

67 См.: *Rosenholm A., Savkina I. How Women Should Write: Russian Women's Writing in the Nineteenth Century // Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture / Ed. by W. Rosslyn, A. Tosi. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 184.*

Поэтизированное у Елены Васильевны во многом совпадает с провинциальным — из Петербурга она с охотой обвиняет в неискренности и обмане, например, оставшуюся в глуши Софью. По всей видимости, для Хвоцинской здесь лежит моральная уязвимость героини, которая сама недавно была провинциалкой и страдала от снисходительного отношения выходца из столицы Веретицына. Попав в Петербург, Елена Васильевна готова презирать за «эгоизм» и «слабость» людей, оказавшихся не в столь приятном положении (180). Индивидуальное освобождение пансионерки ограничивается выбором в пользу более привилегированного образа жизни — позиция столь же естественная, сколь и ограниченная вновь приобретенным общественным положением и образованием.

Однако в контексте оппозиции между столицей и провинцией и между мужским и женским в критике Хвоцинской ее повесть может быть, как кажется, прочитана не столько как критика эмансипации, сколько как логичное описание последствий неравенства для лишенной привилегий женщины. Как заметила Джудит Батлер, «то, чем “является” личность и, по сути дела, чем “является” гендер, зависит от отношений, в которых он определяется»⁶⁸. Хвоцинская, разумеется, этого тезиса знать не могла, но в своей критике вполне последовательно обсуждала, каким образом общественные условия Российской империи задают спектр возможных личностей провинциалки. Ее повесть показывает, что этот спектр крайне ограничен. Выйти за пределы неравенства, понятого в категориях труда, она не может: отказавшись от себя прежней (показательно, что в столице Лёленька становится Еленой), пансионерка перестает быть жертвой пренебрежения к провинциалкам, но становится носителем такого же пренебрежения. Любовь, которая «заставляет смотреть глазами другого, исчезать пред волей другого» (185), становится в ее глазах формой угнетения и должна быть отвергнута — и, таким образом, все та же система угнетения продолжает определять интимную жизнь героини, правда, теперь диктуя ей не преклонение, а презрение к Веретицыну. Схожую метаморфозу проходят и книги, которые даруют Веретицыну культурное и интеллектуальное преимущество над читающей не то и не так Лёленькой, а позже вызывают у Елены Васильевны отторжение как источник обмана.

В изображенном Хвоцинской обществе у непривилегированной женщины, особенно у женщины из провинции, оказываются два пути: или быть униженной, или унижать других. Во многом эти два пути связаны с выбором между провинцией и столицей, а также между соблюдением традиционных гендерных ролей и свободной жизнью эмансипированной женщины. На фоне викторианской прозы здесь бросается в глаза та же лакуна, которая заметна и в своеобразной социологии, предложенной в критике Хвоцинской, — нехватка средней позиции между этими крайностями. Преображение пансионерки едва ли не в нигилистку в финале повести, быть может, и не соответствует авторскому идеалу, но логично следует из системы несправедливых социальных отношений.

---

68 Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 311.

Пытаясь высказываться от лица провинциалов и в особенности провинциалок, Хвоцинская как литературный критик почувствовала на себе фундаментальную слабость либерализма в Российской империи 1860-х годов — отсутствие приемлемого консенсуса. В ее критике общество делилось, по сути, на культурно доминирующую столицу и лишенную достаточного представительства провинцию. Само такое разделение превращало литературу в арену принципиальной борьбы между разными группами, где очень естественные для российской писательницы попытки представить угнетенных неизбежно приводили к частичному сближению с радикальными демократами наподобие Чернышевского. Хвоцинская осталась верна себе и последовательно совмещала демократический подход к обществу с умеренно либеральными эстетическими и политическими взглядами. Тем не менее в своей прозе она очень ясно показала, насколько сложно было удержать такую позицию и насколько легка оказалась для образованной женщины радикализация, подобная пути главной героини «Пансионерки».

В этом смысле журнальные статьи Хвоцинской представляют яркий и в то же время типичный случай, высвечивающий внутренние противоречия института литературной критики в Российской империи 1860-х годов, а до некоторой степени и в Европе середины века. Умеренно либеральная и «эстетическая» позиция, как бы она ни была привлекательна и убедительна при анализе литературных произведений, оказывалась крайне уязвима перед лицом общественного расслоения, подрывавшего возможность построить единую публичную сферу. Занимавший эту позицию критик подчас чувствовал себя неуверенно — и в женской критике, особенно чувствительной к проблеме неравенства, эта неуверенность становилась основой для литературной позиции. Как показывает «Пансионерка», Хвоцинская вполне осознавала эту ситуацию и рефлексировала над ее возможными последствиями для личного выбора и общественной позиции бедной девушки, у которой фактически не оставалось возможности жить в мире либеральных ценностей, о воплощении которых в жизнь писательнице оставалось только мечтать.

Библиография / References

- Батлер Дж.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.
- (Butler J. Gender Trouble // Antologiya gendernoy teorii. Minsk, 2000. P. 297–346 — In Russ.)*
- Гапова Е.* Классы наций: Феминистская критика нациостроительства. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (Gapova E. Klassy natsiy: Feministskaya kritika natsiostroitel'stva. Moscow, 2016.)*
- История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- (Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epokhi / Ed. by E. Dobrenko, G. Tikhanov. Moscow, 2011.)*
- Кулиш Ж.В.* М.К. Цебрикова. Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988.

- (*Kulich Zh.V. M.K. Tsebrikova. Obshchestvennaya i literaturno-kriticheskaya deyatel'nost'. Voronezh, 1988.*)
- Лукашевич М.* Образ приходского священника в русской беллетристике 60–70-х гг. XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009.
- (*Lukashevich M. Obraz prikhodskogo svyashchennika v russkoy belletristike 60–70-kh gg. XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk. Warsaw, 2009.*)
- Манчестер Л.* Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- (*Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Moscow, 2015 — In Russ.*)
- Петерсон Л.* Становление писательницы: мифы и факты викторианского книжного рынка / Пер. с англ. А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2025.
- (*Peterson L. Becoming a Woman of Letters: Myths of Authorship and Facts of the Victorian Market. Moscow, 2025 — In Russ.*)
- Погребная В.Л.* Н.Д. Хвоцинская как критик женского творчества // Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки. 2012. № 1. С. 77–82.
- (*Pogrebnyaya V.L. N.D. Khvoshchinskaya kak kritik zhenskogo tvorchestva // Derzhava ta regiony. Seriya: Gumanitarni nauki. 2012. № 1. P. 77–82.*)
- Розенхольм А.* «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвоцинской // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. № 4. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту: Tartu University Press, 1995. С. 145.
- (*Rozenkholm A. «Svoe» i «chuzhoe» v kontseptsii «obrazovannaya zhenshchina» i «Pansionerka» N.D. Khvoshchinskoy // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. № 4. «Svoe» i «chuzhoe» v literature i kul'ture. Tartu, 1995. P. 145.*)
- Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Gopfert, 1998.
- (*Savkina I. Provintsialki russkoy literatury (zhenskaya proza 30–40-kh godov XIX veka). Wilhelmshorst, 1998.*)
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004.
- (*Stites R. Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Moscow, 2004 — In Russ.*)
- Строганова Е.Н.* Классики и современники: Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019.
- (*Stroganova Ye.N. Klassiki i sovremennitsy: Gendernyye realii v istorii russkoy literatury XIX veka. Moscow, 2019.*)
- Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А.В. Денежкин, пер. с нем. Б.М. Скурагова. М.: Пракисс, 2005. С. 7–31.
- (*Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt // Habermas J. Politicheskie raboty. Moscow, 2005. P. 7–31 — In Russ.*)
- Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности / Под ред. Т.А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007.
- (*Yukina I.I. Russkiy feminizm kak vyzov sovremenosti. Saint Petersburg, 2007.*)
- Andrew J.* Narrative, Space and Gender in Russian Fiction: 1846–1903. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007.
- Brake L.* Subjugated Knowledges: Journalism, Gender and Literature in the Nineteenth Century. Basingstoke: Macmillan, 1994.
- Easley A.* New Media and the Rise of the Popular Woman Writer, 1832–1860. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021.
- David D.* Intellectual Women and Victorian Patriarchy: Harriet Martineau, Elizabeth Barrett Browning, and George Eliot. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
- David D.* Rule Britannia: Women, Empire, and Victorian Writing. Ithaca: Cornell University Press, 1995.
- Eagleton T.* The Function of Criticism: From the Spectator to Post-Structuralism. London: Verso, 2006.
- Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge; London: Harvard University Press, 1976.
- Gheith J.* Finding the Middle Ground: Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women's Prose. Evanston: Northwestern University Press, 2004.
- Hohendahl P.U.* The Institution of Criticism. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982.
- Lounsbury A.* Life Is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca: Cornell University Press, 2019.
- Moser C.A.* Esthetics as Nightmare. Russian Literary Theory, 1855–1870. Princeton: Princeton University Press, 1989.
- Rosenholm A., Savkina I.* How Women Should Write: Russian Women's Writing in the Nineteenth Century // *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture* / Ed. by W. Rosslyn, A. Tosi. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 161–208.
- Thompson N.D.* Reviewing Sex: Gender and the Reception of Victorian Novels. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1996.

Tuchman G., Fortin N.E. Edging Women Out: Victorian Novelists, Publishers, and Social Change. New Haven: Yale University Press, 1989.

Vargo G. An Underground History of Early Victorian Fiction: Chartism, Radical Print Culture, and the Social Problem Novel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Wilkes J. Women Reviewing Women in Nineteenth-Century Britain. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Trans. by T. Burger with the assistance of F. Lawrence. Cambridge: The MIT Press, 1991. P. 41–42.